

КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА

УДК 304.444

DOI: 10.12737/2306-1731-2025-14-1-3-8

«Культура отмены» как трансформация защиты прав личности в дискриминацию

“Cancellation” Culture as Transformation Human Rights Protection into Discrimination

Получено: 22.12.2023 / Одобрено: 10.01.2024 / Опубликовано: 25.03.2025

Кальней М.С.

Канд. филос. наук, доцент Института Высотехнологического права, социально-гуманитарных наук, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», Россия, 124498, г. Москва, г. Зеленоград, площадь Шокина, д. 1, e-mail: marina.kalnej@yandex.ru

Kalney M.S.

Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer of the Hi-Tech Law, Social and Humanity Sciences Department, Moscow State Institute of Electronic Engineering, 1, Shokina Ploschad, Zelenograd, Moscow, 124498, Russia, e-mail: marina.kalnej@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются противоречия борьбы против дискриминации социальных групп. Традиционно отказ от дискриминации представлял собой одну из базовых демократических ценностей. Однако факты распространения борьбы против дискриминации в сферу частной жизни привносит в такую борьбу тоталитарные тенденции. Не менее значимыми оказываются тенденции превращения идеала защиты прав личности в идеологический конструкт, на основании которого оправдывается дискриминация оппозиционной идеологии.

Ключевые слова: общественный диалог, дискриминация, либеральная демократия, идентичность, ценности, «культура отмены», «креативный класс».

Abstract. The article about contradictions of struggle against social groups' discrimination. Traditionally discrimination refuse is one of basic democracy values. However, facts of anti-discrimination struggle extension to private life introduces to such a struggle totalitarian tendencies. No less importance has tendencies to transformation human rights ideal into ideological construct on which base justified opposition ideology discrimination.

Keywords: social dialogue, discrimination, liberal democracy, identity, values, “cancellation culture”, “creative class”.

Актуальность. В текущей социально-политической ситуации особое значение приобретает проблема поиска консенсуса. Демократическая система считается оптимальной средой к поиску консенсуса, так как обеспечивает равное участие социальных групп в общественном диалоге с недопустимостью дискриминации социальной группы на основании её мировоззренческих установок и системы ценностей. Однако в последнее время наблюдается нарастание нетерпимости между различными идеологическими направлениями. Раскол между ними затрагивает не только социально-политическую повестку, но и мировоззренческие вопросы о самой сущности человека (к примеру, о природной предопределённости гендера или его изменчивости в ходе сознательного выбора, об эвтаназии и абортах как праве на жизнь и праве на смерть). В связи с этим необходимо проанализировать сущностные черты такого раскола и его влияние на сохранение демократической практики в социальной системе.

Методы исследования. Основой для исследования послужили работы Ф. Фукуямы, И. Валлерстайна, В.Л. Иноземцева, в которых анализируются тенденции развития современного общества. Для анализа особенностей переноса борьбы против дискриминации в сферу межличностных отношений использовались труды Э. Фромма и других современных западных психологов. Для выявления тенденции к обоснованию морального превосходства одной из социальных групп современного общества были использованы работы В.Л. Иноземцева, Р. Флориды и других исследователей. Выводы данных авторов сопоставлялись с концепциями общественного развития, представленными в трудах Ж.-Ж. Руссо, В.И. Ленина, И.А. Ильина, а также современными исследованиями тенденций развития западного общества.

Анализ результатов. Одной из основ демократической системы управления считается возможность диалога различных социальных групп. Его механиз-

мом служат гарантируемые демократической системой многопартийность, свобода получения и распространения информации, свобода собраний и прочие политические свободы, обеспечивающие возможность выражать и отстаивать свои интересы.

Для легитимации политических свобод и общественного диалога используется принцип демократии «один человек — один голос», когда суверенитет принадлежит всей совокупности граждан и распределяется между ними поровну. Признание равного права голоса за всеми участниками политического процесса легитимируется представлениями о равенстве способностей, интересов и систем ценностей всех индивидов.

Иными словами, всякое политическое действие в демократическом обществе признано легитимным только тогда, когда оно одобрено гражданами. Такое одобрение реализуется через механизмы представительной демократии, функционирование которых основано на представлении о том, что каждый индивид вправе требовать от государства удовлетворения своих потребностей в соответствии со своей системой ценностей. Факт юридической дееспособности признаётся достаточным основанием для признания индивида способным понимать свои интересы и требовать от государства их удовлетворения. Различие индивидов и их систем ценностей признаётся здесь основанием для признания равенства систем ценностей различных индивидов и запрета дискриминации индивида ввиду признаваемых им ценностей.

В этом традиционно усматривается основное отличие демократии от тоталитарной системы. Для этой последней характерно признание государственной идеологии как единственной имеющей право на существование. На этом основании легитимируется дискриминация или уничтожение тех социальных групп, чьи интересы и система ценностей не соответствуют государственной идеологии. В свою очередь, в системе демократической государственная идеология заменяется консенсусом различных социальных групп с различными интересами и системами ценностей.

Таким образом, либеральная демократия обеспечивает каждому гражданину защиту права неприкосновенности личности, имущественных прав, права распространять собственные мнения, участвовать в управлении государством. Основанием для сохранения этих прав служат признание государством прав граждан и признание гражданами законов государства [10, с. 310–311]. В связи с этим заслуживает внимания точка зрения российского

социолога В. Л. Иноземцева согласно которой «ежедневно сталкиваясь с необходимостью учёта чужого мнения и чужих прав, люди становятся менее склонными к антисоциальным формам поведения; у них возникает более чёткое понимание границ частной жизни и принципа неприкосновенности личности» [3, с. 236].

Иными словами, в демократическом обществе признаётся недопустимой любого рода дискриминация и принятие индивида социальным окружением превращается в его право, охраняемое и гарантируемое силой государства. Это распространяется не только на гарантию равного участия в политическом процессе, не только на гарантию равного доступа к социальным и экономическим благам, но и на гарантию принятия в межличностных отношениях.

Такая постановка проблемы требует особого рассмотрения феномена принятия и признания. Социальная общность формирует у индивида социальные установки по отношению к предметам, явлениям, процессам. Эти установки передают совокупность представлений о свойствах объекта или действия, определяют эмоциональную сторону отношения к предмету или действию, содержат набор мотивационно-поведенческих шаблонов в отношении предмета установки. Совокупность социальных установок определяет отношение индивида к окружающему миру и себе и формирует тем самым его идентичность. В аспекте этой идентичности индивид делает выбор о принятии предмета или другого индивида как части своего социального окружения.

Таким образом, в каждой социальной системе существуют свои представления о той идентичности, обладание которой даёт основания для признания индивида частью социальной системы. Эту сторону идентичности отмечает Э. Фромм: «Я есть “Я” только в той мере, пока я жив, имею интересы, связи, активен, и в какой мере я достиг интеграции между моей видимостью — другим и/или себе самому — и ядром моей личности» [9, с. 103]. Иными словами, система социальных взаимосвязей формирует совокупность социальных установок, влияющих помимо прочего и на самоидентификацию личности, а также на идентификацию тех или иных социальных установок как приемлемых и желательных либо нежелательных и угрожающих для социальной системы.

В соответствии с этими представлениями, внутри социальной общности признаются допустимыми меры дискриминации по отношению к тем видам идентичности и социальных установок, которые

признаны опасными для сохранения социальной общности. Эту особенность всеобщего блага как основы социального бытия и оценки явлений как общественных или антиобщественных одним из первых отметил Ж.-Ж. Руссо: «Первым и самым важным следствием из установленных выше принципов является то, что одна только общая воля может управлять силами Государства в соответствии с целью его установления, каковая есть общее благо. Ибо, если противоположность частных интересов сделала необходимым установление обществ, то именно согласие этих интересов и сделало сие возможным. Общественную связь образует как раз то, что есть общего в этих различных интересах; и не будь такого пункта, в котором согласны все интересы, никакое общество не могло бы существовать. Итак, обществом должно править, руководясь единственно этим общим интересом» [7, с. 54].

Иначе говоря, всеобщее волеизъявление определило ту общность интересов, которая составляет основу социальной общности. Исходя из этой общности интересов, социальное целое формирует совокупность поддерживающих социальный порядок социальных установок и формирует желательную для социального целого идентичность индивида. При этом французский мыслитель считал необходимым исключение из социального целого тех индивидов, самоидентификация и социальные установки которых не соответствуют интересам социальной общности [7, с. 80]. Такого рода исключение с неизбежностью предполагает дискриминацию личности на основании её идентичности и мировоззренческой позиции.

Однако плюрализм как необходимая составляющая демократической системы предполагает существование различных мировоззренческих установок и равноправие граждан вне зависимости от их самоидентификации. Вследствие этого «формой, которую приняло требование “демократизации” в последние 25 лет, стало требование больших прав для “групп”: для “большинства” внутри любого государства, не являющегося либеральным, и в еще более жесткой форме — для меньшинств внутри любых государств, которые провозгласили себя либеральными» [1, с. 162–163]. При этом борьба за исключение дискриминации различных социальных групп распространяется не только на сферу политических и гражданских прав, но также и на сферу межличностных отношений. В связи с этим заслуживают внимания исследования феномена «микроагрессии», под которой понимают «проявление меньшего уважения, чем заслужено, худшее обслу-

живание в ресторане или магазине, угрозы или домогательства, проявление сомнений в уме или страха со стороны окружающих» [13, с. 528].

Иными словами, здесь признание индивида уже несводимо к возможности осуществления им своих политических и гражданских прав, обеспечения экономических и социальных интересов. Здесь рассматривается возможность и необходимость борьбы за принятие и признание индивида в сфере межличностных отношений — в сфере частной жизни. Очевидно, что защита силой государства права индивида на принятие и признание в сфере частной жизни означает вмешательство государства в межличностные отношения и частную жизнь, что составляет один из наиболее существенных признаков тоталитаризма: «Тоталитаризм состоит в исключении всей и всякой самодеятельности граждан: их личной свободы, их корпоративной организации, их местного и профессионального самоуправления, их усмотрения в делах личных и семейных, их хозяйственной инициативы и их культурной самодеятельности» [2, с. 48].

Таким образом, борьба за свободу и отсутствие дискриминации приводит к тоталитарному контролю над сферой межличностных отношений и порождает противоположный результат: «Даже если сконцентрировать все усилия на том, чтобы помочь людям “чувствовать себя хорошо”, этой цели достичь не удастся. Мы знаем, что реакция, по сути, является результатом того, оправданы ли наши ожидания. Если они оправданы, мы рады; если нет — расстраиваемся, злимся или разочаровываемся. И хотя можно помочь окружающим научиться адаптировать ожидания к реальности, никто не может заставить кого-либо что-либо чувствовать» [11, с. 32]. Иначе говоря, осуществима борьба против дискриминации в сфере общественной жизни, но её распространение в сферу жизни частной принимает черты тоталитаризма.

Помимо этого, текущая социально-политическая ситуация проявляет в себе и иные признаки трансформации идеала защиты прав личности в тоталитарный проект. Если одной из основ демократической системы считался консенсус или хотя бы компромисс между различными социальными группами, то последнее время между социальными группами как носителями различной политической идеологии наблюдается скорее противостояние. В этом противостоянии всё более проявляется восприятие сторон политического процесса не как партнёров по общественному диалогу, а как угрозы социальной системе. На этом основании при-

знаётся допустимой или даже необходимой дискриминация сторонников оппозиционной идеологии.

Обращает на себя внимание отмеченный западными исследователями факт сокращения бесед на политические темы вне круга политических единомышленников [12, с. 9]. К этой же тенденции можно отнести формирование в современной информационной среде своеобразного «информационного кокона», в котором принимается и сохраняется только информация, соответствующая ценностным установкам её получателя [15, с. 319]. В свете ряда провоцирующих инцидентов эту тенденцию можно рассматривать как первую фазу общественного раскола, когда конфликт замалчивается, игнорируется, носит латентный характер. Вместо попыток понять, критически оценить, найти точки компромисса в позициях оппонента эти позиции игнорируются, что является первой стадией прекращения общественного диалога. Однако резонансные события (к примеру, расовые волнения) приводят к необходимости явно выразить своё отношение к ним, что означает принятие той или иной стороны политического противостояния. В свою очередь, итогом такого выражения позиции зачастую оказывается не её принятие противоположной стороной, а практика «отмены» — прекращения деловых и иных контактов с носителем признанных недопустимыми взглядов.

Моральным основанием для «отмены» на основании выраженной политической и гражданской позиции обычно служит отрицание тех ценностей, на которых базируется выраженная позиция. В частности, отрицание идеи защиты прав личности против дискриминации считается основанием для «отмены» (т. е. дискриминации) на основании несогласия с декларируемой системой ценностей. Таким образом, ценности превращаются в идеологический конструкт, оправдывающий дискриминацию оппозиционной идеологии. В последнее время очевидна тенденция к тому, что сторонники леволиберальной и правой, консервативной идеологии объявляют ценности другой стороны ложными, не соответствующими природе человека, а следование им в равной мере опасным для индивида лично и угрожающим сохранению (или прогрессивному развитию) социальной системы.

Следовательно, в наблюдаемой социальной реальности вместо общественного диалога, поиска способов сосуществования различных политических идеологий наблюдается общественный раскол, достигающий до требования дискриминации оппозици-

онной идеологии как опасной для социальной общности системы ценностей.

В условиях мировоззренческого раскола общества особое значение приобретает поиск моральных обоснований для признания истинности идеологических установок. Так как эти установки не могут быть результатом общественного диалога, в котором стороны приходят к консенсусу, их истинность обосновывается моральным превосходством сторонников той или иной идеологии.

Одним из показательных примеров такого отношения является исследование зависимости от наследственности и социальной среды склонности к «высокой» и «низкой» культуре. Хотя авторы исследования и указывают на отсутствие прямой связи между наследственностью и выбором одного из типов культуры, сам факт такого противопоставления указывает на восприятие различных социальных групп как обладающих лучшими или худшими чертами личности и поведения [14, с. 274].

Сходную точку зрения излагает американский социолог Р. Флорида, исследуя «креативный класс» как движущую силу социального прогресса: «Многих представителей этого класса возмущает неравенство возможностей и отталкивает система, направленная против большинства членов общества и нерационально расходующая природные и человеческие ресурсы. Такие установки и порывы и есть тот политический настрой, который можно использовать и который уже используется для того, чтобы изменить ситуацию к лучшему» [8, с. 16]. Иными словами, рассматриваемые автором ценности «креативного класса» интерпретируются как соответствующие тенденциям технического, социального и нравственного прогресса и противопоставляются ценностям традиционным. Особого внимания заслуживает то, что автор выявляет негативные поведенческие черты у рабочего класса как носителя консервативных ценностей [8, с. 343–350].

Иными словами, налицо противопоставление различных социальных групп, их интересов и систем ценностей. Это порождает такие точки зрения, что «дефицит ресурсов, доминирующая система ценностей и необходимость в объединении привели к тому, что мир Земли напоминает огромную пирамиду, где один уровень, или каста, стоит на другом» [5, с. 32]. При этом, «пока вы не стали хозяином своей судьбы, вы будете жить в мире, построенном по чужим правилам, а потому уже находитесь под чужей-то властью. Вы будете служить чужим целям. Даже ваши желания — не ваши, а в подавляющем большинстве случаев навязаны хитрой пропагандой,

маркетингом, традициями и ложными убеждениями. Возможно, вы этого не знаете, но общество интенсивно внушает вам, какие желания хороши, а какие нет» [5, с. 33].

Таким образом, в ряде исследований наблюдается противопоставление различных видов культуры и стилей жизни. Вместо их рассмотрения как взаимодополняющих частей социальной реальности культура «элитная» противопоставляется «массовой», ценности и образ жизни «креативного класса» или «высших каст» противопоставляются ценностям и образу жизни «низших» слоёв общества. Представители «креативного класса» рассматриваются как носители прогрессивных тенденций развития общества, носители положительных моральных ценностей (творческого развития, здорового образа жизни, толерантности, способности создавать и воспринимать «высокую» культуру, способности к самоопределению).

В связи с этим заслуживает внимания взгляд В.Л. Иноземцева на социальную структуру постиндустриального общества. С точки зрения исследователя, это общество будет разделено на интеллектуальную элиту и исполнителей, где социальная мобильность будет ограничена фактом отсутствия возможностей приобретения и развития творческих способностей. Эту структуру исследователь считает и наиболее справедливой, так как факт принадлежности к элите будет определяться не правом рождения или собственности, а личностными качествами (творческими способностями и преобладанием «постматериалистических» потребностей) [4, с. 87–94]. Иными словами, место демократии с её базовыми принципами равенства и диалога между социальными группами создаётся социальная структура с привилегированным положением одной социальной группы и полному подчинению общества её интересам.

Обращает на себя внимание близость такого представления о государстве с идеями В.И. Ленина, выраженными в работе «Государство и революция»: «Сущность учения Маркса о государстве усвоена только тем, кто понял, что диктатура одного класса является необходимой не только для всякого классового общества вообще, не только для пролетариата, свергнувшего буржуазию, но и для целого исторического периода, отделяющего капитализм от «общества без классов», от коммунизма. Формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна: все эти государства являются так или иначе, но в последнем счете обязательно диктатурой буржуазии» [6, с. 34]. Иными словами, вся-

кое государство сводится к диктатуре — подчинению большинства привилегированной социальной группе (рабовладельцам, феодалам, капиталистам). Вместо диктатуры класса, представляющего собой меньшинство, здесь предлагается диктатура большинства, которая отомрёт с отрицанием необходимости в ней.

Со своей стороны, представления об особых личностных качествах «креативного класса» и прогрессивности идеологии, отражающей его интересы (либеральной) также обнаруживает содержательную близость идее замены демократического процесса как диалога и поиска консенсуса внутри единого социального целого привилегированным положением одной идеологии и одной социальной группы с необходимостью «отмены» (подавления, дискриминации) оппозиционных социальных слоёв и их идеологии.

Выводы

1. Одной из основ демократического процесса считается возможность общественного диалога, в котором стороны способны прийти к консенсусу или, по крайней мере, компромиссу в отношении актуальной социально-политической повестки. Одним из необходимых условий такого диалога является равенство участников, что означает недопустимость какой-либо дискриминации по отношению к социальной группе, отдельным её представителям, системе их взглядов и ценностей.
2. В настоящее время наблюдается превращённое понимание борьбы против дискриминации социальных групп. Требования принятия и признания различных образов жизни и систем ценностей переносятся из сферы общественно-политической в сферу межличностных отношений, что создаёт угрозу такой тоталитарной тенденции как идеологический контроль над частной жизнью индивидов. Также это указывает и на проникновение идеологической повестки в сферу личных ценностных ориентаций, что также является одним из общеизвестных признаков тоталитаризма.
3. Политический и мировоззренческий раскол общества проявляется, кроме того, и в «отмене» оппозиционных направлений мысли. Эта тенденция говорит о восприятии оппозиционных систем ценностей не как части единого социального целого, а как угрозе ему, что делает оправданной или даже необходимой дискриминацию оппозиционной идеологии — практику, характерную для тоталитарных режимов.

4. В условиях раскола общества необходимо найти мировоззренческое обоснование идеологических установок для различных социальных групп. Если сторонники правой, консервативной идеологии находят такое обоснование в исторической и религиозной традиции, то для леволиберальной идеологии более характерны отсылки к прогрессивности леволиберальных идей и личностному превосходству представителей «креативного класса»

как носителей леволиберальной идеологии. Это зачастую служит обоснованием для идеи замены диалога между либеральной и консервативной идеологиями идеей превосходства одной идеологии над другой и оправданности подавления идеологии оппозиционной — иными словами, замены демократии как системы сосуществования множества идеологий диктатурой одной признаваемой «единственно верной» идеологии.

Литература

1. *Валлерстайн И.* После либерализма [Текст] / И. Валлерстайн. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 256 с.
2. *Ильин И.А.* Собрание сочинений в 10 т. Т. 2 [Текст] / И.А. Ильин. — М.: Русская книга, 1993. — 496 с.
3. *Иноземцев В.Л.* Несовременная страна: Россия в мире XXI века [Текст] / В.Л. Иноземцев. — М.: Альпина Паблишер, 2018. — 406 с.
4. *Иноземцев В.Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы [Текст] / В.Л. Иноземцев. — М.: Логос, 2000. — 187 с.
5. *Крол А.* Теория каст и ролей [Текст] / А. Крол. — М.: Эксмо, 2020. — 160 с.
6. *Ленин В.И.* Государство и революция [Текст] / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. — Т. 33. — М., 1974. — 434 с.
7. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. Трактаты [Текст] / Ж.-Ж. Руссо. — М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. — 416 с.
8. *Флорида Р.* Креативный класс. Люди, которые создают будущее [Текст] / Р. Флорида. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. — 384 с.
9. *Фромм Э.* Революция надежды. Избавление от иллюзий [Текст] / Э. Фромм. — М.: Айрис-пресс, 2005. — 352 с.
10. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек [Текст] / Ф. Фукуяма. — М.: АСТ: Ермак, 2005. — 588 с.
11. *Чепмен Г.* 5 языков признательности на работе: как наладить отличные отношения с коллегами и показать, насколько вы их цените [Текст] / Г. Чепмен, П. Уайт. — М.: Эксмо, 2020. — 304 с.
12. *Byungkyu Lee, Peter Bearman.* Important Matters in Political Context // Sociological Science, 2017, v. 4, pp. 1–30.
13. *Kiara Wyndham Douds, Michael Hout.* Microaggressions in the United States // Sociological Science, 2020, v. 7, pp. 528–543.
14. *Mads Meier Jæger, Stine Møllegaard.* Where Do Cultural Tastes Come From? Genes, Environments, or Experiences // Sociological Science, 2022, v. 9, pp. 252–274.
15. *Pablo Capilla.* Post-Truth as a Mutation of Epistemology in Journalism // Media and Communication, 2021, v. 9, i. 1, pp. 313–322.
1. *Vallerstain I.* Posle liberalizma [After the liberalism] M.: Editorial URSS, 2003. 256 pp.
2. *Il'in I. A.* Sbranie sochinenii. V 10 t. T. 2 [Essays at 10 vol. V. 2]. M.: Russkaya kniga, 1993. 496 p.
3. *Inozemtsev V.L.* Nesovremennaja strana: Rossiya v mire XXI veka [Uncontemporary country: Russia at XXI century world]. M.: Al'pina Pabliher, 2018. 406 pp.
4. *Inozemtsev V.L.* Sovremennoe postindustrial'noe obshchestvo: priroda, protivorechija, perspektivy [Contemporary post-industrial society: nature, contradictions, perspectives]. M.: Logos, 2000. 187 p.
5. *Krol A.* Teorija cast i roley [Casts and roles theory]. Moskva, Eksmo, 2020. 160 p.
6. *Lenin V. I.* Gosudarstvo I revolyutsija // Polnoe sobranie sochineniy. T. 33 [State and Revolution // Essays. V. 33]. M., 1974. 434 p.
7. *Russo Zh.-Zh.* Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty [On Social Contract. Treatises]. M.: KANON-press, Kuchkovo pole, 1998. 416 p.
8. *Florida R.* Kreativny klass. Ludi, kotorye sozdayut budushchee [The Rise of Creative Class]. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2016. 384 p.
9. *Fromm E.* Revolyutsija nadezhdy. Ogumanizatsii chelovecheskogo obshchestva. Izbavlenie ot illusiy. Sopostavlenie vzgljadov Marksa i Freyda [The Revolution of Hope. Toward a humanized technology. Beyond the chains of illusion. My encounter with Marx and Freud]. M.: Ayris-press, 2005. 352 p.
10. *Fukujama F.* Konets istorii i posledniy chelovek [The end of history and the last man] M.: AST, Ermak, 2005. 588 p.
11. *Chapman G., White P.* The 5 languages of appreciation in the workplace: empowering organization by encouraging people.
12. *Byungkyu Lee, Peter Bearman.* Important Matters in Political Context // Sociological Science, 2017, v. 4, pp. 1–30.
13. *Kiara Wyndham Douds, Michael Hout.* Microaggressions in the United States // Sociological Science, 2020, v. 7, pp. 528–543.
14. *Mads Meier Jæger, Stine Møllegaard.* Where Do Cultural Tastes Come From? Genes, Environments, or Experiences // Sociological Science, 2022, v. 9, pp. 252–274.
15. *Pablo Capilla.* Post-Truth as a Mutation of Epistemology in Journalism // Media and Communication, 2021, v. 9, i. 1, pp. 313–322.